Сергей Козин

Культур-мультур по-питерски

В следующий раз судьба занесла меня в Ленинград в холодном и снежном декабре 1986 года. Зима – не лучшее время для развлечений и туризма, но я приехал по делу. Кто бы мог подумать еще 5 лет назад, что я вернусь в Питер (как его тогда уже стали все называть) уже в ранге штатного культработника? Подробнее о том, как я дошел до жизни такой, я уже рассказал ранее, а тогда мне, начальнику культ-массового отдела городского ДК, предложили съездить на месячные курсы повышения квалификации, что я воспринял, разумеется, неожиданным и приятным сюрпризом фортуны. Молодых культработников со всей страны собрали в Академии культуры профсоюзов для того, чтобы «промыть мозги» по поводу происходящих в стране перемен, в свете последних постановлений партии и правительства. Если кто уже не помнит, то это было начало горбачевской перестройки и гласности, время больших надежд на обновление и ускорение, как впоследствии оказалось, насквозь прогнившего социалистического строя.

Продуваемый всеми ветрами, буранный Питер вовсе не оказался замерзшим памятником собственному ушедшему величию, а уже кипел политическими страстями и творческой жизнью, шли публичные диспуты, создавались молодежные студии и клубы, новые неформальные объединения и молодежные движения, которым нам и предстояло идеологически грамотно противостоять. Поэтому теоретические лекции нам читали профессиональные пропагандисты и ответственные работники из определенных органов, а семинары и практические занятия вели маститые журналисты и мастера культуры, делегированные от творческих союзов. От одного такого свободомыслящего лектора я услышал запомнившееся определение культпросвета, как просвета между культами. Врага надо было знать в лицо, и мы обсуждали новинки литературы, популярной музыки, театральные постановки, выставки ранее запретных живописцев, а после этого ехали на практические занятия в народ, посещая модные постановки, рок-концерты и прочие массовые мероприятия.

На улицах это было еще незаметно, но в разговорах уже чувствовалось некое легкое возбуждение от надежды пополам с тревогой. Контингент обучаемых состоял в основном из сексуально озабоченных перезрелых девиц на выданье и прикидывающихся ими дамочек, оттягивающихся на свободе от своих мужей, но нервно реагирующих на громогласные приглашения подойти к телефону для ежевечернего отчета своим благоверным. Все наши номера общежития размещались на соседних этажах, и это весьма способствовало их духовному и физическому раскрепощению по полной программе. Для многих, казалось, это был последний шанс устроить или изменить свою личную жизнь, и над аудиториями витал густой запах плотного флирта. Видимо, лишь мне попалась сочная, как персик, западноукраинка тяжелого поведения, не посмевшая порвать с девственностью за месяц до уже назначенной свадьбы. Зато как было сладко целоваться с нею в Императорской ложе Мариинского театра на опере «Лючия ди Ламмермур», куда удалось раздобыть билеты прямо в городской кассе!

Занятия проходили, и жили мы в едином комплексе из красного кирпича на Фучика и Бухарестской, вдалеке от М Волковская. Выбираться в темень на крепкий морозец и неслабую

поземку из теплого и уютного здания было нелегко, но жалеть о том не приходилось. Благодаря организованным посещениям многочисленных культмероприятий, я существенно расширил свои несколько отсталые представления о тенденциях молодежной музыки, моды и развлечений. Так, только там я узнал, что А. Розенбаум, оказывается, не только автор популярного в известных кругах «Гоп-стопа», но и не менее замечательного «Вальса-бостона». Там я впервые увидел и надолго полюбил комик-группу «Маски» и «Лицедеев» еще с Полуниным-Асисяем, а так же познакомился с жанром кабаре на спектаклях Театра-Буфф. Разумеется, не остался без моего пристального внимания и кинотеатр Госфильмофонда «Спартак», находившийся в лютеранской кирхе на Кирочной. Помимо киноклассики, там демонстрировались и картины недавних лет, которые по каким-то причинам не вышли в широкий прокат, например, замечательные «Если» и «Госпиталь Британия» Л. Андерсона или «Джаббервокки» и «Бразилия» Т. Гиллиама из группы «Монти Пайтон».

Как-то раз нас всей развеселой группой, во главе с известным музкритиком, отправили на боевое крещение прямо в лагерь, невиданных в то еще время по наглому эпатажу, скандальных панков из группы «Аукцыон». Богомерзкие кривляния и прыжки нелепого и дебиловатого О. Гаркуши подкрепляли песню о любви в исполнении знойного красавца и великолепного вокалиста С. Рогожина (сгинувшего потом в «Форуме») с текстом слов типа «Я стою и смотрю на какой-то этаж, я стою и чиню карандаш». Надо было видеть страдания непривычных к подобному бешеному драйву и дикому перфомансу сельских культпросветчиц из солнечной Молдовы. А после концерта состоялась еще и дискуссия с прямым общением артистов со зрителями, где обе стороны огребли по полной программе, как от горячих противников, так и преданных фанатов. Впрочем, обошлось без мордобоя, все же будущие культуртрегеры приехали.

К сожалению, попасть тогда на концерты в знаменитом Ленинградском Рок-Клубе не удалось. Это была довольно закрытая тусовка, плотно опекаемая конторой, и билеты туда расходились по малопонятным каналам и персональным приглашениям в основном среди своих. Однако посмотреть на многих из будущих кумиров можно было в легендарной кофейне на углу Невского и Владимирского проспектов, под неофициальным названием «Сайгон», где собирался весь цвет питерского андеграунда тех лет, хипповской системы, панков, рокеров, поэтов и прочей тусующейся богемы. Ему посвящены известные песни Науменко, Умки, Белой гвардии, Шевчука, Чистякова, Цоя, Чайфа и Последнего шанса. Говорят, бывали там и мэтры Бродский, Шемякин, Довлатов, Смоктуновский, но в тот раз нам не повезло, а долго отсвечивать просто так, там было чревато, могли и свинтить под горячую руку.

Огромное впечатление на меня произвел концерт «Аквариума» в Лесотехническом институте, когда пять человек с акустическими инструментами скромно уселись на обычные стулья посреди широкой сцены, и, будто это обычный квартирник, без всякой помпы, света и аппаратуры удерживали внимание битком набитого зала более 2-х часов. Впрочем, почти каждую их песню присутствующие уже знали и активно подхватывали то «Старика Козлодоева», то «Двух Трактористов», то «Электрического пса». Стихи Б. Гребенщикова уже тогда звучали чуть загадочно, но вполне актуально.

Кроткий нрав, возвышенный чин,

Великая стройка, новый почин –

В полный рост,

Она знает толк в полный рост!

Мама, что мы будем делать,

Когда она двинет собой?

Ах, как звучала тогда виолончель В. Гаккеля! Какой внутренней свободой веяло от этих песен, как горели глаза юных студентов и их более солидных преподавателей! Надо ли говорить, что я с тех пор остаюсь преданным поклонником творчества БГ?

Однако более всего меня впечатлили не столько спектакли и концерты, сколько сама архитектура грандиозных питерских Дворцов Культуры. Смешав в себе черты монументального и лаконичного конструктивизма первых пятилеток, с величественным имперским пафосом сталинского стиля, они напомнили мне загадочные и мрачные средневековые донжоны и итальянские палаццо, подавляющие все вокруг своими нечеловеческими масштабами и тяжеловесностью форм. Но еще более потрясающее впечатление произвели на меня просторные интерьеры громадных зрительных залов, призванных вмещать под своими высокими сводами многие тысячи рукоплещущих вождям революции пролетариев, связистов или нквдешников. Тем смешнее и удивительнее было обнаружить в глубоких подвалах с обширными холлами крохотные и тесные гардеробы и места общего пользования. Надо понимать, пища духовная почти полностью должна была заменить некогда строителям социализма хлеб насущный.

Впрочем, я и сам всерьез озаботился этим вопросом, когда у меня из номера во время занятий уже под конец программы культурно и без лишнего шума умыкнули портмоне с остатками, и так поющих романсы, финансов. Можно было грешить на соседей или уборщиц, но следствие заводить не стали, потерю мне так и не вернули, а деньги на обратный путь подослали в счет очередной зарплаты коллеги из моего ДК только через несколько дней. Кормили нас там бесплатно, но свобода передвижений оказалась всерьез ограничена, и перед защитой курсовой мне пришлось заняться работой всерьез. Это благотворно отразилось на результате, и я заспешил восвояси, несмотря на возможность остаться в полупустой общаге и встретить Новый Год в расцвеченном праздничной иллюминацией и пахнущем мандаринами Питере. В перестроечном городе, бурлящем творческим энтузиазмом разбуженной молодежи, я уже понял, что в гостях хорошо, а дома – лучше, и культуру вокруг себя люди должны создавать сами, своими руками и мозгами, не надеясь на оплаченных профессионалов и ценные указания руководства. В далеком подмосковном Дедовске меня уже с нетерпением ждали аборигены и главная роль сценической жизни - Дед Мороз, но все это уже в следующей части.